

Часть II Новая Россия

Глава 15 На службе у государства

Как-то раз, в один из вечеров 1717 года, когда Петр сидел за обедом в окружении своих друзей и соратников, разговор зашел о достижениях и просчетах, имевших место в царствование Алексея Михайловича. Петр отметил войны, которые вел его отец с Польшей, и борьбу царя с патриархом Никоном. Неожиданно граф Иван Мусин-Пушкин заявил, что ни одно из деяний царя Алексея Михайловича не может идти в сравнение с заслугами Петра, да и немногими достижениями покойный государь всецело обязан своим министрам. Петр выслушал эти слова и холодно промолвил: «В твоём порицании дел моего отца и в похвале моим больше брани на меня, чем я могу стерпеть». Затем царь поднялся, подошел к семидесятидевятилетнему князю Якову Долгорукому, которого порой называли Российским Катон²⁶, и обратился к нему: «Вот ты больше всех меня бранишь и так больно досаждаешь мне своими спорами, что я часто едва не теряю терпения; а как рассужу, то и увижу, что ты искренне меня и государство любишь и правду говоришь, за что я внутренне тебе благодарен. А теперь я спрошу тебя, как ты думаешь о делах отца моего и моих, и уверен, что ты неллицемерно скажешь мне правду».

Долгорукий взглянул на него и молвил: «Изволь, государь, присесть, а я подумаю». Петр сел, а князь некоторое время молчал, поглаживая длинные усы, и наконец заговорил: «На твой вопрос нельзя ответить коротко, потому что у тебя с отцом дела разные – в одном ты больше заслуживаешь похвалы и благодарности, в другом – твой отец. Три главные дела у царей; первое – внутренняя расправа и правосудие; это ваше главное дело. Для этого у отца твоего было больше досуга, а у тебя еще и времени подумать о том не было, и потому в этом отец твой больше тебя сделал. Но когда ты займешься этим, может быть, и больше отца сделаешь. Да и пора уже тебе о том подумать. Другое дело – военное. Этим отец твой много хвалы заслужил и великую пользу государству принес, устройством регулярных войск тебе путь показал, но после него неразумные люди все его начинания расстроили, так что ты почти все вновь начинал и в лучшее состояние привел. Однако, хоть и много я о том думал, еще не знаю, кому из вас в этом деле предпочтение отдать: конец войны прямо это нам покажет. Третье дело – устройство флота, внешние союзы, отношения к иностранным государствам. В этом ты гораздо больше пользы государству принес и себе чести заслужил, нежели твой отец, с чем, надеюсь, и сам согласишься. А что говорят, якобы каковы министры у государей, таковы и дела их, так я думаю о том совсем напротив, что умные государи умеют и умных советников выбирать и верность их наблюдать. Поэтому у мудрого государя не может быть глупых министров, ибо он может о достоинстве каждого рассудить и правые советы отличить». Когда Долгорукий умолк, Петр поднялся и со словами «Влагай рабе верный!» обнял старого князя.

Именно «внутренней расправе и правосудию» посвящал царь основное внимание в последние годы своего правления. Полтавская победа позволила ему уделять больше времени внутренним делам – с устранением угрозы вражеского вторжения отпала и надобность в поспешных, не всегда продуманных решениях. После Полтавы царя занимало уже не столько создание армии и флота, сколько коренное переустройство всей системы гражданского и церковного управления, реорганизация экономики и общественной жизни вплоть до изменения сложившихся веками торговых связей России, унаследованных им от предшественников.

²⁶ Катон Старший (234–149 до н. э.) – римский писатель, консул, образец непреклонной честности и принципиальности. – *Примеч. ред.*

Как раз во второй половине царствования, между 1711 и 1725 годами, Петр претворил в жизнь важнейшие свои реформы. Величайший русский поэт Пушкин, сопоставляя эти преобразования с указами военной поры, писал: «Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом».

Характер и последовательность ранних реформ Петра были продиктованы войной и настоящей потребностью в деньгах для оплаты военных расходов. По замечанию Пушкина, государство в то время управлялось главным образом посредством царских указов, торопливо нацарапанных на клочке бумаги. По традиции царь правил в России, держа совет с боярской Думой, а претворение в жизнь законов осуществлялось рядом государственных учреждений, именовавшихся приказами.

В первые два десятилетия правления Петра, с 1689 по 1708 год, никаких изменений в структуре этих органов не происходило. Когда молодой царь находился в Москве, он сам председательствовал в Думе, а когда отсутствовал, перепоручал верховную власть своему доверенному лицу. Однако, отправившись в 1697–1698 годах за границу, Петр поставил во главе Думы князя Федора Ромодановского и наказал всем боярам повиноваться ему. Чем старше становился Петр, тем больше власти сосредотачивал он в своих руках и тем реже обращался за советом к Думе. Его отношение к ней со временем стало откровенно пренебрежительным. В 1707 году он повелел вести протоколы заседаний Думы, которые были обязаны подписывать все присутствовавшие бояре – «и без того никакого бы дела не определяли, ибо сим дурость всякого явлена будет».

В 1708 году, когда в Россию вторглось войско Карла XII, стало очевидно, что старая система централизованного государственного управления неспособна совладать с кризисом. Для того чтобы увеличить денежные поступления и проводить рекрутские наборы – а потребность и в том и в другом была настоятельной, – Петр распорядился разделить страну на восемь обширных провинций, или губерний: Московскую, Ингерманландскую (впоследствии названную Санкт-Петербургской), Киевскую, Смоленскую, Архангелогородскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую, главам которых были предоставлены широчайшие полномочия, особенно во всем, что касалось выколачивания денег и набора солдат. Чтобы подчеркнуть значение новоиспеченных органов власти, Петр назначил губернаторами самых влиятельных из своих сподвижников. Однако новая система оказалась неработоспособной. Губернаторы по большей части постоянно жили в Петербурге, слишком далеко от вверенных им губерний, и потому не могли эффективно управлять ими. Некоторые из губернаторов, например Меншиков и Апраксин, имели и другие служебные обязанности, требовавшие их присутствия в армии или на флоте.

К февралю 1711 года Петр уже был готов признать, что эта затея провалилась. Он писал Меншикову, что губернаторы, к его огорчению, «зело раку последуют» и предупреждал, что будет «не словами, но руками с оными поступать». Доставалось и самому светлейшему – «Дай знать, – писал он ему, – которые у вас товары, насколько, когда продано, и куда те деньги идут, и тако о вашей губернии ни о чем не ведаем, будто об ином государстве».

В результате провала губернской реформы единственным центром сосредоточения власти остался сам Петр: боярская Дума фактически распалась, а многочисленные, порой дублирующие друг друга приказы действовали из рук вон плохо. Бездеятельность органов управления Петр пытался компенсировать собственной гигантской энергией, но и ее зачастую оказывалось недостаточно. В письме к Екатерине он раздраженно сетовал на то, что ему не хватает помощников и что он не может управлять государством левой рукой, держа в правой и меч, и перо.

Со временем, однако, Петр уразумел, что проблема отчасти заключалась и в нем самом. Вся полнота власти была сосредоточена в его руках, – по сути, он олицетворял власть, – но сам при этом пребывал в постоянных разъездах, что сильно затрудняло управление страной. Кроме того, царь был полностью поглощен военными вопросами и внешней политикой, и на

внутренние дела времени у него не оставалось. Чтобы определять, какие законы необходимы, разрабатывать эти законы, претворять их в жизнь и осуществлять повседневное управление, требовался более полномочный и деятельный орган, нежели боярская Дума.

В феврале 1711 года, перед тем как отбыть на завершившуюся поражением Прутскую кампанию, Петр учредил Сенат. Первоначально он был задуман как временное учреждение и должен был управлять страной, лишь покуда царь находится в отлучке. Краткий указ об учреждении Сената подтверждает это: «Определили быть для отлучек наших Правительствующий Сенат для управления». Поскольку новый орган в составе девяти сенаторов должен был править вместо царя, он наделялся широкими полномочиями и мог осуществлять надзор за провинциальными властями, действовать в качестве высшей судебной инстанции, следить за расходом государственных средств, а главное – «деньги, как возможно, собирать, понеже деньги суть артерии войны». В другом указе предписывалось всем чинам, как мирским, так и духовным, под страхом смерти повиноваться Сенату, как самому государю.

По возвращении Петра из Прутского похода Сенат не только не прекратил своего существования, но и превратился в постоянно действующий высший исполнительный и законодательный орган государственного управления России, а в отсутствие царя именно ему принадлежала верховная власть в стране. Однако всевластие Сената только декларировалось, и за внешним грандиозным фасадом скрывалась пустота: на деле же единственным предназначением Сената было исполнение воли самодержца и претворение в жизнь его предначертаний. Своей независимой позиции он не имел. Сенат был всего лишь инструментом, проводником между монархом и государственными структурами. К тому же под его юрисдикцию попадали только вопросы внутреннего управления – все, что касалось внешней политики, а также войны и мира оставалось исключительной прерогативой царя. Сенат безусловно помогал царю управлять: разбирал, растолковывал и преобразовывал в законодательные положения его инструкции, набросанные в спешке и порой не вполне вразумительно. Но в глазах народа этот орган являлся всего лишь творением и слугой всевластного господина. Да и сами сенаторы не обманывались на этот счет.

Подчиненное положение Сената становилось еще более очевидным от того, что ни один из ближайших сподвижников Петра – ни Меншиков, ни Апраксин, ни Головкин, ни Шереметев – не входили в его состав. Эти, как их называли, «верховные господа» или «принципалы», могли адресоваться в Сенат от имени царя «указом Царского величества». Однако в то же время Петр указывал Меншикову, что и он, и иные должны повиноваться Сенату. В общем, Петр нуждался в помощи как со стороны деятельных и преданных соратников, так и со стороны полномочного органа центрального управления. При этом он никак не мог окончательно определить, кто же из них важнее, и внести ясность в сложившуюся ситуацию, в результате чего возникла путаница и противоречия в распределении прав и полномочий. Естественно, что при таком положении дел «верховные господа» и «принципалы» не признавали сомнительного авторитета Сената.

Впрочем, и сам Петр был далеко не всегда доволен Сенатом. Он то и дело писал сенаторам и отчитывал их, как несмышленишей, за то, что те, по мнению царя, выставляли себя на посмешище и позорили его, царя, что было постыдно вдвойне, поскольку сенаторы представляли «Его величества собственную персону». Царь призывал на заседаниях не тратить время на пустопорожние разговоры, болтовню и насмешки, заявляя, что промедление смерти подобно. Он наказывал не разбирать дела на дому и требовал вести протоколы всех обсуждений. Но, несмотря на все назидания, Сенат, по мнению Петра, был донельзя неповоротлив. Несколько раз государь специально созывал сенаторов, чтобы они доложили ему, «что по данным указам сделано и чего недоделано и зачем». Он неоднократно грозил сенаторам суровыми карами, «понеже иного дела не имеете, точию одно правление, которое ежели неосмотрительно будете делать, то перед Богом ответите, а потом и здешнего суда не избежите». «Вы это насмех сделали, – рассыпал громы и молнии царь в другом случае, – все по старым глупостям, и когда ко мне придете, то у вас совершенно иначе об

этом спросится».

В ноябре 1715 года, стремясь внести в деятельность Сената больше порядка и заставить его работать более активно, царь учредил пост генерального ревизора или «надзирателя указов», которому по должности предписывалось сидеть «в той же избе, где Сенат сидит», записывать сенатские указы, следить за своевременным исполнением их и объявлять о неисправных чиновниках Сенату, обязанному немедленно штрафовать виновных. Первым генеральным ревизором был назначен Василий Зотов, сын старого царского наставника, получивший образование за границей. Однако он не слишком преуспел на этом посту и вскоре вынужден был жаловаться царю на то, что сенаторы с ним не считаются, положенных по регламенту трех заседаний в неделю не проводят и что по их вине казна недосчиталась полутора миллионов рублей.

В 1720 году царь утвердил новые правила, детально регламентирующие процедуру проведения заседаний Сената. Сенаторам предписывалось, чтобы «все было делано порядочно и суетных разговоров, крика и прочего не было». Следовало «по прочтении дела поговорить и подумать полчаса, разве дело тяжкое и будут просить отсрочки „для мысли“, то отложить до завтра, а на неотложное дело прибавить полчаса, час, в крайности до трех часов, и как по песочным часам изойдет срок, тотчас подать бумагу и чернила, чтобы каждый сенатор записал и подписал свое мнение: кто из сенаторов так не сделает, тотчас, все покинув, бежать к царю, где бы он ни был».

Однако со временем стало ясно, что даже генеральный ревизор не в состоянии поддерживать в Сенате требуемый порядок, и на заседания стали присылать офицеров гвардейских полков. Офицер назначался на дежурство в Сенате на месяц и в течение этого времени обязан был следить за порядком и благопристойностью. Сенаторов, которые вели себя неподобающе, предписывалось брать под стражу и заключать в крепость до рассмотрения дела царем.

Если Сенат худо-бедно, но все-таки работал, то во многом благодаря первому сенатору, князю Якову Долгорукому, который долгие годы служил отечеству, занимая различные посты. Ему выпало стать первым российским послом при дворе Людовика XIV, и именно из этой поездки князь привез в подарок пятнадцатилетнему Петру астролябию. В возрасте шестидесяти двух лет князь участвовал в битве под Нарвой, был взят в плен и одиннадцать лет провел в заточении у шведов. В 1712 году семидесятилетнему старцу удалось бежать из плена и вернуться в Россию, где он и был назначен «первоприсутствующим» сенатором. На портрете Долгорукий предстает перед нами мужчиной могучего телосложения, с двойным подбородком и пышными усами. Он не выглядит придворным щеголем, зато производит впечатление человека проницательного, хотя и отличающегося горячим нравом. Так оно и было, к тому же Долгорукий был смел, упрям, своеволен и любил настоять на своем. Когда у него не хватало доводов, чтобы убедить противника в своей правоте, он попросту брал горлом. Один только Ментиков, пользовавшийся особым покровительством государя, не боялся перечить вспыльчивому старику.

Долгорукий всегда бесстрашно говорил Петру правду в глаза. Однажды он ничтоже сумняшеся разорвал царский указ, уверенный в том, что монарх подписал его не обдумав. Согласно царскому повелению, всем помещикам, чьи земли лежали в окрестностях Петербурга и Новгорода, надлежало отрядить своих крепостных на рытье Ладожского канала. В тот день, когда царь утвердил этот указ, Долгорукого в Сенате не было. Князь прочел его на следующее утро и стал шумно протестовать. Смущенные его дерзостью сенаторы пытались урезонить старика, объясняя, что, коли указ уже подписан государем, спорить больше не о чем. Однако Долгорукий вспыл и разорвал грамоту пополам. Потрясенные сенаторы повскакали со своих мест, испуганно спрашивая Долгорукого, понимает ли он, что натворил. Старый князь, однако, в запальчивости кричал, что все понимает и готов держать ответ перед Богом, государем и отечеством.

В этот момент в палату вошел Петр. Он удивился, увидев, что все стоят, и спросил, что произошло. Дрожащим голосом один из сенаторов рассказал царю о случившемся. С видом,

не предвещавшим ничего хорошего, Петр обратился к восьмидесятитрехлетнему князю и потребовал объяснить, что побудило его совершить столь неслыханный поступок.

«Ревность к твоей чести и благосостоянию твоих подданных, – отвечал Долгорукий. – Не гневайся на меня, Петр Алексеевич, – продолжал он, – я надеюсь, что ты не намерен разорять свое государство, как Карл XII разоряет. Ты поспешил дать это повеление и не рассудил, в каком состоянии обе губернии находятся. В нынешнюю войну претерпели они вреда больше всех других русских провинций, множество народа в них вымерло. И теперь они совсем безлюдны. Для чего не взять тебе на работу на этом канале, необходимо нужном для твоего города, Петербурга, работников из других провинций, из каждой понемногу. Они могут выставить людей гораздо больше здешних, опустошенных провинций, и не потерпят от этого такого вреда и тягости, как Новгородская и Петербургская губернии. Кроме того, есть у тебя довольно пленных шведов, которых можешь ты вместо собственных подданных употребить к такой работе».

Выслушав объяснения старика, Петр обернулся к сенаторам и спокойно промолвил: «Теперь пусть это дело так останется. Я еще подумаю и дам Сенату решительное мое повеление».

Вскоре на строительство Ладожского канала было направлено несколько тысяч шведских пленных²⁷.

Но, несмотря на все усилия Якова Долгорукого, Василия Зотова и гвардейских офицеров, Сенат работал отнюдь не так, как желал того Петр. Со временем он понял, что одними угрозами и наказаниями проку не добиться, а порой от них делу вред. Нельзя было одновременно грубо помыкать Сенатом, как привык Петр, и поддерживать в глазах народа его авторитет и достоинство. К тому же Сенат был перегружен текущей работой. Безынициативность, нежелание принимать на себя ответственность и непрерывные склоки между сенаторами приводили к тому, что постоянно росло число нерешенных дел – в конце концов их накопилось 16 000.

По этой причине в 1722 году Петр принял решение учредить должность генерал-прокурора, который должен был представлять в Сенате самого императора. Сенаторам он объявил: «Сей чин яко око наше и стряпчий о делах государственных».

Обязанностью генерал-прокурора было руководить и направлять деятельность Сената. Хотя сам он по должности сенатором не являлся и права голоса при принятии решений не имел, генерал-прокурор был, по сути, председателем Сената. Он следил за соблюдением порядка во время заседаний, надзирал за выдвижением законопроектов и постановкой их на голосование, при помощи песочных часов наблюдал за регламентом и заботился о том, чтобы после принятия Сенатом указ своевременно направлялся на подпись императору. Случалось так, что чиновники, которым надлежало исполнять сенатские постановления, попросту не могли понять путаного и мудреного языка указов. В таких случаях они, опять же, обращались к генерал-прокурору, который имел право потребовать от Сената переписать указ более вразумительно.

На этот важный пост был избран один из безродных «птенцов гнезда Петрова» Павел Иванович Ягужинский. Ягужинский был одиннадцатью годами моложе царя. Родился в Москве, в семье выходцев из Литвы. Отец его служил органистом в лютеранском храме. Приглянувшийся Петру с первого взгляда Ягужинский был зачислен в гвардию и сделан царским денщиком. Веселый нрав и сметливость паренька пришлись царю по душе, и Ягужинский быстро делал карьеру. Петр давал ему дипломатические поручения и взял с собой в Париж. Уже тогда у французов он прослыл царским фаворитом. Ягужинский был вспыльчив, любил выпить, каждую неделю затевал с кем-нибудь ссору, легко наживал себе врагов и тут же забывал об этом. Зато он был безоговорочно предан царю, почти честен и способен брать на себя ответственные решения – качества, которых, по мнению Петра, недоставало большинству сенаторов.

²⁷ Эпизод сомнительный, документального подтверждения его не найдено. – *Примеч. ред.*

Еще до назначения Ягужинского Петр изменил функции Сената. С 1711 по 1718 год Сенат сам должен был и принимать законы, и претворять их в жизнь. Однако Петр понимал, что государству необходим новый механизм исполнительной власти, что позволило бы Сенату целиком сосредоточиться на вопросах законодательства.

Царь пришел к выводу о необходимости создания нового правительственного органа – коллегий, или министерств, подобных тем, что существовали в Европе. Путешествуя по свету, беседуя с иностранными посланниками и вчитываясь в донесения своих дипломатических агентов, Петр познакомился со структурой государственного управления европейских стран. Он знал, что в Дании, Пруссии, Австрии и Швеции основными правительственными органами являлись коллегии. В Англии также существовала коллегия Адмиралтейства, заправлявшая всеми делами Королевского флота. Лейбниц, с которым Петр советовался по этому вопросу, убеждал царя в том, что «не может существовать лучшего управления, нежели посредством коллегий. Механизм их подобен часам, в которых каждое колесико приводит в движение остальные».

Наивысшей репутацией во всей Европе пользовалась шведская система правительственных коллегий, и заслуженно: она была отлажена до такой степени, что шведское правительство смогло без срывов управлять страной, невзирая на пятнадцатилетнее отсутствие монарха, потерю армии, крах империи и смертоносную чуму. Петр, восхищавшийся как Карлом, так и шведской государственной машиной и вовсе не считавший для себя зазорным заимствовать что-либо у неприятеля, решил учредить в своей стране коллегии по образцу и подобию шведских.

В 1718 году была разработана новая система государственного управления. Тридцать четыре существовавших ранее приказа²⁸ заменялись девятью новыми коллегиями: Коллегией чужестранных (позже – иностранных) дел, Камер-коллегией, ведавшей доходами государства, Юстиц-коллегией, Воинской и Адмиралтейств-коллегией, Коммерц-коллегией, занимавшейся вопросами торговли, Берг-и-Мануфактур-коллегией и Штатс-контор-коллегией, в ведении которой находились государственные расходы, и Ревизион-коллегией, контролировавшей расходование бюджетных средств²⁹.

Президентами этих коллегий назначались русские (причем все из числа ближайших друзей и сподвижников Петра), тогда как вице-президентами становились иностранцы. Впрочем, было сделано два исключения; президентом Берг-и-Мануфактур-коллегии стал шотландец, генерал Яков Брюс, в то время как в Коллегии иностранных дел и президентом и вице-президентом были русские – Головкин и Шафиров. Президенты всех коллегий автоматически становились и членами Сената, что делало этот орган власти подобием совета министров.

Дабы заимствованные за рубежом институты власти могли успешно работать, Петр усиленно приглашал иноземных специалистов. Русские дипломатические агенты, разъезжая по всей Европе, заманивали иностранцев на работу в новые правительственные учреждения России. Приглашали даже шведских военнопленных, выучившихся русскому языку. Некоторые шведы отклоняли подобные предложения – как полагал Вебер, оттого, что опасались препятствий для возвращения на родину. Однако в конце концов иностранцев набралось достаточно, и тот же Вебер с восхищением описывал оживленную деятельность Коллегии иностранных дел; «Едва ли где в мире отыщется ведомство иностранных дел, которое рассылало бы депеши на стольких языках. Здесь шестнадцать переводчиков и секретарей, знающих русский, латинский, польский, верхненемецкий, нижненемецкий,

²⁸ Число приказов в России XVII – начала XVIII в. точно установить невозможно – процесс реорганизации шел непрерывно. – *Примеч. ред.*

²⁹ Число коллегий постоянно менялось. В 1721 г. было 11 коллегий, в 1723 г. – 10. В 1722 г. Д. Трезини получил роспись размещения коллегий в новом здании на Васильевском острове. Всего было 12 участков. Кроме 10 коллегий предполагалось построить еще 2 помещения: зал торжественных приемов и Сенат. Так появилось название «здание Двенадцати коллегий». – *Примеч. ред.*

английский, датский, французский, итальянский, испанский, греческий, турецкий, китайский, татарский, калмыцкий и монгольский языки».

Однако, несмотря на то что на всех уровнях в новом правительственном аппарате трудились сведущие иностранцы, новую систему постоянно лихорадило. Иностранные специалисты испытывали большие трудности, пытаясь объяснить русским чиновникам суть новой системы, тем более что даже знавшие язык толмачи не слишком разбирались в специфической терминологии, принятой в Швеции. Еще труднее было растолковать механизм действия новой системы управления провинциальным чиновникам, нередко отличавшимся дремучим невежеством. Порой они слали в Петербург такие донесения, что было невозможно не только отнести их к какой-либо категории деловых бумаг, но даже уразуметь, о чем они, или хотя бы просто прочесть их.

Помимо всего прочего, некоторые президенты коллегий относились к своим обязанностям не слишком ревностно, и Петру вновь и вновь приходилось вразумлять их, словно мальчишек. Он требовал, чтобы они непременно являлись в свои коллегии по вторникам и четвергам и добивались соблюдения должного порядка и приличий как в Сенате, так и в самих коллегиях. Им строжайше предписывалось не вести на заседаниях «разговоров о посторонних делах, которые не касаются службы нашей, а тем менее заниматься бездельными разговорами и шутками», не перебивать друг друга во время выступлений и вести себя как подобает государственным мужам, а не «базарным бабам».

Петр рассчитывал, что, введя президентов коллегий в состав Сената, сделает этот орган власти более эффективным, однако непрекращающаяся зависть и вражда среди сановных вельмож приводили к тому, что стоило им собраться в отсутствие царя, как начинались шумные споры и перебранки. Сенаторы, происходившие из древних родов, такие как Долгорукий или Голицын, презирали худородных выскочек Меншикова, Шафирова и Ягужинского. Президент Коллегии иностранных дел Головкин и ее же вице-президент Шафиров терпеть не могли друг друга. Столкновения становились все более ожесточенными, страсти накалялись, сенаторы открыто обличали друг друга в казнокрадстве. В конце концов, как раз когда Петр уехал на Каспий, была принята резолюция, где Шафиров обвинялся в возмутительном и незаконном поведении в Сенате. По возвращении Петр отрядил Высший суд из числа сенаторов и генералов для рассмотрения этого дела. Съехавшись в Преображенское, судьи выслушали показания и приговорили Шафирова к смертной казни.

16 февраля 1723 года Шафирова в простых саях привезли из Преображенского в Кремль. Ему прочли приговор, сорвали с него парик и старую шубу и возвели на эшафот. Осенив себя крестным знамением, осужденный встал на колени и положил голову на плаху. Палач занес топор, и в этот момент вперед выступил кабинет-секретарь Петра Алексей Макаров и объявил, что из уважения к долголетней службе государь повелел сохранить Шафирову жизнь и заменить казнь ссылкой в Сибирь. Шафиров поднялся на ноги и со слезами на глазах, пошатываясь, сошел с эшафота. Его отвезли в Сенат, где потрясенные случившимся бывшие коллеги наперебой поздравляли его с помилованием. Чтобы успокоить натерпевшегося старика Шафирова, лекарь пустил ему кровь, и тот, размышляя о своем невеселом будущем в ссылке, промолвил: «Лучше бы открыть мне большую жилу, чтобы разом избавиться от мучения». Однако впоследствии ссылка в Сибирь для Шафирова с семейством была заменена на поселение в Новгороде. Уже после смерти Петра I Екатерина простила Шафирова, а при императрице Анне Ивановне он вновь вернулся в систему власти.

Новые административные органы зачастую не оправдывали надежд, которые возлагал на них Петр. Они были чужды российской традиции, а чиновники не имели ни нужных знаний, ни стимулов к работе. Грозная фигура вездесущего царя далеко не всегда вызывала у его подданных стремление проявить инициативу и решительность. С одной стороны, Петр приказывал действовать смелее и брать на себя ответственность, а с другой – сурово карал за всякую оплошность. Естественно, что чиновники всячески осторожничали и вели себя как тот слуга, который не вытащит из воды тонущего господина, пока не убедится, что это

входит в его обязанности и записано в контракте.

Со временем и сам Петр стал это понимать. Он пришел к выводу, что управление должно осуществляться посредством законов и установлений, а не понуканием со стороны власть имущих, включая и его самого. Не командовать людьми надо, а учить их, наставлять и убеждать, растолковывать, в чем состоят интересы государства, так, чтобы это было понято каждому. Поэтому царские указы, изданные после 1716 года, как правило, предварялись рассуждениями о необходимости и полезности того или иного законоположения, цитатами, историческими параллелями, обращениями к логике и здравому смыслу.

Несмотря на все недостатки, новая система государственного управления была полезным нововведением. Россия менялась, и изменившимся государством и обществом Сенат и коллегии управляли более эффективно, чем могли бы делать это старомосковские приказы и боярская Дума. И Сенат, и коллегии просуществовали в России до падения династии, хотя коллегии впоследствии были преобразованы в министерства. В 1722 году архитектор Доменико Трезини приступил к строительству необычайно длинного здания из красного кирпича на Васильевском острове, на набережной Невы. В нем предстояло разместиться коллегии и Сенату. Ныне в этом строении, крупнейшем из сохранившихся с петровских времен, располагается Петербургский университет.

* * *

На судьбе отдельных личностей проводимые Петром реформы сказывались не менее ощутимо, чем на судьбе государственных учреждений. Общественное устройство России, подобное существовавшему в средневековой Европе, было основано на всеобщей обязанности служить. Крепостной крестьянин должен был служить своему барину, а тот, в свою очередь, государю. Петр был далек от намерения разорвать или хотя бы ослабить эту всеобщую служебную взаимосвязь. Он лишь видоизменял ее, стремясь по возможности заставить все слои населения служить с полной отдачей. Ни послаблений, ни исключений ни для кого не делалось. Служба составляла суть жизни самого Петра, и он использовал всю власть и энергию для того, чтобы побудить каждого служить с наибольшей пользой для отечества. Дворянам, служившим офицерами в реорганизованной русской армии и на флоте, надлежало овладеть современным оружием и тактикой; тем же, кто поступал на службу в создаваемые по европейскому образцу государственные учреждения, для полноценного исполнения обязанностей также требовались особые знания и навыки. Представление о службе изменилось и расширилось: для того чтобы служить в соответствии с требованиями времени, надо было учиться.

Первую попытку завести в России образованные национальные кадры Петр предпринял еще в 1696 году, когда перед отбытием с Великим посольством отправил учиться на Запад группу молодых дворян. После Полтавской победы забота Петра об обучении подданных приобрела более целенаправленный и систематический характер. В 1712 году был издан указ, согласно которому в Сенат надлежало подавать сведения обо всех дворянских недорослях. Юношей разделили на три группы: самых младших отправили учиться морскому делу в Ревель, тех, что постарше, – в Голландию для той же цели, а самых старших зачислили в армию. В 1714 году царь закинул невод пошире: всем молодым дворянам от десяти до тридцати лет, не числившимся на службе, повелевалось доложить о том в Сенат до исхода зимы.

Петр намеревался полностью обеспечить российскую армию профессионально подготовленными офицерами из русских дворян. Службу, срок которой определялся в двадцать пять лет, юноши должны были начинать с пятнадцати, поступая в гвардию или в армейские полки рядовыми солдатами. Каждый дворянин начинал с самого нижнего чина, и дальнейшее продвижение зависело от его личных заслуг. В феврале 1714 года царь категорически запретил производить в офицеры людей из «дворянских пород», которые не

служили солдатами и «фундамента солдатской службы не знают». В результате многие из отпрысков знатнейших княжеских фамилий служили простыми солдатами, получая ничтожное жалованье, скудное пропитание и не имели никаких привилегий. Князь Куракин писал, что в Петербурге нередко можно было видеть на карауле с ружьем на плече какого-нибудь князя Голицына или Гагарина.

Однако обучение этих молодых людей не сводилось к муштре на плацу и навыкам обращения с оружием. По мере того как все больше и больше юных дворян проходило через воинскую службу, полки становились не только рассадниками офицерских кадров, но и своего рода академиями, готовившими к деятельности на благо государству в самых различных областях. Одни юноши изучали артиллерию, другие навигацию, иные инженерное дело, а одного, например, послали в Астрахань осваивать соляные промыслы. Со временем петровская гвардия стала, образно говоря, садком, из которого Петр мог черпать кадры едва ли не для любой службы. Гвардейские офицеры надзирали и за порядком в Сенате; они же составили большую часть трибунала, судившего царевича Алексея.

Хотя большая часть молодых дворян проходила через армию, военная служба была для многих не самым предпочтительным способом служения государству. Число гражданских чиновников быстро росло, и от желающих пополнить их ряды отбою не было. Служить в правительственных канцеляриях было куда легче, безопаснее и в перспективе – доходнее. Чтобы несколько ограничить поток рвавшихся порадеть отечеству за конторским столом, Петр издал указ, согласно которому лишь один из трех членов дворянского семейства мог поступить на гражданскую службу – двоих ждали армия или флот.

Служба на флоте для большинства россиян представлялась чуждым и пугающим нововведением и была особенно непопулярна. Когда дворянскому недорослю приходило время служить, отец семейства зачастую хлопотал, чтобы его отправили куда угодно, только не на флот. Но несмотря на это, когда в 1715 году Школа математических и навигацких наук переехала из Москвы в Петербург, классы ее были полны. «Этим летом была открыта Морская академия, – докладывал в 1715 году Вебер. – Сомневаюсь, что во всех необъятных пределах Российской империи можно сыскать хотя бы одну именитую фамилию, какую не обязали бы послать туда одного, а то и более сыновей старше десяти и моложе восемнадцати лет. Мы видели, как эти юные отпрыски целыми стаями слетались в Петербург – так что теперь эта академия содержит в своих стенах цвет российского дворянства, каковой за эти четыре года должен быть обучен всем наукам, имеющим отношение к навигации. Кроме того, юношей должны учить языкам, фехтованию и иным телесным упражнениям».

Не стоит, однако, думать, что российские дворяне безропотно покорялись посягательствам Петра на судьбу их чад, да и на свою собственную судьбу. Хотя первый, изданный в 1712 году указ представлял собой всего лишь попытку составить список пригодной в будущем к службе дворянской молодежи, Петр понимал, что оторвать молодых дворян от беззаботной жизни в отцовских вотчинах будет не так-то легко. Поэтому он не преминул сопроводить указ угрозой штрафа, телесного наказания и конфискации имущества всякому, кто попытается утаить правдивые сведения. При этом тому, кто донесет об увеливающем от службы дворянине, было обещано в награду все достояние виновного, будь доносчик хотя бы и беглым крепостным.

Но и такие угрозы зачастую не достигали цели. Дворяне измышляли бесконечные оправдания, отговаривались делами, путешествиями, поездками за границу или паломничеством по святым местам – лишь бы не угодить в служебные списки. Некоторые просто исчезали, затерявшись в бескрайних просторах России. Бывало, что приехавший для проведения розыска чиновник или гвардеец находил один лишь заколоченный дом, и никто по соседству не мог сказать, куда подевался хозяин. Иные же пытались избежать службы, сказавшись больными или юродивыми: «залезет [такой] в озеро по самую бороду – вот и бери его на службу». Когда несколько молодых дворян попытались избежать службы, поступив в Заиконоспасское духовное училище, Петр немедленно повелел записать всех горобогословов на морскую службу и отослать их учиться в Морскую академию в Петербург. В

качестве же дополнительного наказания дворянских недорослей заставили бить сваи на Мойке. Генерал-адмирал Апраксин, которого задело такое поправление чести старинных русских фамилий, явился на Мойку сам, скинул с себя адмиральский мундир с андреевской лентой и, повесив его на шест, принялся вколачивать сваи вместе с проштрафившимися юнцами. Подошедший Петр в удивлении спросил: «Как, Федор Матвеевич, будучи генерал-адмиралом и кавалером, да сам вколачиваешь сваи?» «Здесь, государь, бьют сваи все мои племянники и внучата, — напрямик отвечал Апраксин. — А я что за человек, какое имею в роде преимущество?»

Со временем Петр вынужден был объявить всякого уклоняющегося от службы дворянина вне закона. Это значило, что кто угодно безнаказанно мог его ограбить и даже убить, а тому, кто изловит такого «нетчика», то есть неявившегося на смотр или для записи, полагалась в награду половина имущества преступника. Наконец в 1721 году царь предпринял еще один шаг, который должен был помешать уклонению от службы, — он учредил пост герольдмейстера. В обязанности этого чиновника входило составление полных списков всех российских дворян с указанием рода и места службы, со всеми их детьми мужского пола.

Обучение Петр рассматривал как первую ступень на стезе служения отечеству и стремился к тому, чтобы каждый делал этот шаг еще до вступления в отрочество. В 1714 году одновременно с указом о призыве в армию всех дворян, достигших пятнадцатилетнего возраста, вышло повеление непременно определять в светские школы их младших братьев, которым минуло десять. В течение пяти лет, пока не подошло время идти на службу, они должны были выучиться читать, писать, усвоить основы арифметики и геометрии; молодому дворянину не позволялось жениться, пока он не получал свидетельства об образовании. Однако дворянство было настолько возмущено подобным надругательством над традициями, что в конце концов Петр вынужден был признать поражение и в 1716 году отменил свой указ. Его попытка настоять на обязательном обучении купеческих и мещанских детей столкнулась со столь же резким неприятием и сопротивлением, так что и эту затею царю пришлось оставить.

Если дворянин, как, впрочем, и представитель другого сословия, попадал на государственную службу — все равно, в армию, на флот или в гражданскую администрацию, — предполагалось, что его дальнейшее продвижение будет зависеть только от его личных заслуг. Реформа, задуманная Петром, метила далеко, ибо принцип считать «знатность по годности» ниспровергал освященные столетиями московские традиции. Испокон веку земли после смерти отца делилась поровну между сыновьями. Результатом постоянного дробления земельных владений было обнищание дворянства и сокращение источников налоговых поступлений. В связи с этим указом от 14 марта 1714 года Петр объявил, что впредь отец должен оставлять свое имение неразделенным только одному из сыновей, причем не обязательно старшему (если сыновей в семействе не было, тот же порядок наследования распространялся и на дочерей). Во время пребывания в Англии на Петра произвел впечатление принятый там порядок, в соответствии с которым старший сын наследовал титул и имение, тогда как младших ожидала карьера в армии или на флоте, а то и коммерческая деятельность. Однако Петр не учредил майората и предпочел ввести порядок наследования не по старшинству, а по заслугам. Он полагал, что такая система будет даже лучше английской: самый способный из сыновей унаследует имение, которое останется неразделенным, что послужит поддержанию благосостояния и достоинства фамилии (а заодно облегчит сбор податей), и станет рачительным хозяином своих крепостных, а «обделенные» сыновья вольны будут найти себе службу по душе и там приносить пользу отечеству. Ни один из указов Петра не был столь непопулярен, как этот. Следствием его стали семейные раздоры, перераставшие в непримиримую вражду, и в 1730 году, через пять лет после кончины Петра, он был отменен.

Таким образом, единственными критериями, по которым Петр отбирал, оценивал и продвигал людей, были их способности, заслуги, преданность и служебное рвение.

Именитый дворянин или торговец пирожками, русский, швейцарец, шотландец или немец, православный, католик, протестант или еврей мог рассчитывать на то, что царь одарит его титулами, богатством и властью – было бы только желание и способность служить. Шереметев, Долгорукий, Голицын, Куракин носили громкие имена, прославившиеся задолго до того, как их носители стали сподвижниками Петра, но и они добились высокого положения благодаря личным заслугам, а не благородной крови. С другой стороны, отец Меншикова был писарем³⁰, Ягужинского – литовским органистом, Шафирова – крещеным евреем, а Курбатова и вовсе крепостным. Остерман и Макаров начинали свою карьеру секретарями, а первый генерал-полицмейстер Петербурга Антон Девиер, еврей по происхождению, был юнгой на португальском корабле – Петр подобрал его в Голландии и привез с собой в Россию. Никита Демидов был простым, неграмотным тульским кузнецом, пока восхищенный его трудолюбием и энергией царь не пожаловал ему земельные угодья на Урале для строительства шахт и дозн. Сын эфиопского князька Абрам (или Ибрагим) Ганнибал был куплен на невольничьем рынке в Стамбуле и послан в подарок Петру. Тот даровал юноше свободу, стал его крестным отцом, послал на учебу в Париж, и со временем Ганнибал дослужился до чина генерала от артиллерии³¹. Все эти люди, петровские «орлы» и «орлята», как называл их Пушкин, начинали с нуля, а к концу жизни стали князьями, графами и баронами, и их имена, неразрывно связанные с именем Петра, навсегда вошли в историю России.

Трудно найти лучший пример неуклонно проводимого Петром принципа выдвигать людей по заслугам, чем карьера одного из наиболее известных «птенцов гнезда Петрова» – Ивана Неплюева. Сын мелкого новгородского помещика Неплюев поступил на службу, будучи двадцати двух лет от роду и уже имея двоих детей. Сначала он был послан в школу в Новгороде, где изучал математику, затем отправлен в Нарву, где учился кораблевождению, и, наконец, поступил в Морскую академию в Петербурге. В 1716 году в числе тридцати российских гардемарин он попал в Копенгаген, оттуда последовал за царем в Амстердам, а затем был послан в Венецию изучать искусство вождения галер. Два года он воевал с турками в Адриатическом и Эгейском морях, а потом отправился в Тулон, Марсель и Кадис, где шесть месяцев прослужил на испанском флоте. По возвращении в Петербург, в июне 1720 года, он получил приказ явиться в Адмиралтейство и держать экзамен перед самим царем. Позднее Неплюев вспоминал: «Не знаю, как мои товарищи, а сам я всю ночь глаз не сомкнул, точно перед Страшным судом».

Но когда подошла его очередь отвечать, Петр был настроен благодушно. Протянув Неплюеву руку для поцелуя, он сказал: «Видишь, я хоть и царь, да у меня на руках мозоли, а все для того – показать вам пример, и хотя бы под старость видеть себе достойных помощников и слуг отечеству». Когда Неплюев преклонил колени перед царем, Петр промолвил: «Встань, братец, и дай ответ, о чем тебя просят. Что знаешь – сказывай, а чего не знаешь, так и скажи». Экзамен был успешно выдержан, и Неплюев получил под начало галеру.

Однако почти сразу после этого он был назначен надзирать за строительством морских судов в Петербурге. Вместе с новым назначением он получил и добрый совет о том, как надлежит держаться с царем: «Будь исправен, будь проворен, и говори правду, сохрани тебя Боже солгать, хотя бы и худо было: он больше рассердится, если солжешь». Прошло не так много времени, и молодому человеку представился случай проверить этот совет на практике. Как-то утром он проспал и явился на верфь, когда царь уже был там. Растерявшись, Неплюев хотел бежать домой и сказать больным, но, вспомнив то, о чем ему говорили, передумал и направился напрямик к царю. «А я уже, мой друг, здесь», – молвил Петр, взглянув на него. «Виноват, государь, – отвечал Неплюев, – вчера в гостях засиделся, оттого и опоздал». Петр

³⁰ Точнее, служителем дворцового конюшенного ведомства. – *Примеч. ред.*

³¹ Ганнибал обрел бессмертие благодаря тому, что он – прадед по материнской линии Александра Пушкина, герой его незавершенной повести «Арап Петра Великого».

крепко сжал ему плечо, и Неплюев был уже уверен, что пропал, но царь сказал: «Спасибо, малый, что говоришь правду. Бог простит! Кто Богу не грешен, кто бабе не внук?»

На посту смотрителя верфи Неплюев долго не задержался. Благодаря знанию языков его часто использовали в качестве переводчика, а в январе 1721 года, в возрасте двадцати восьми лет, он был назначен российским резидентом в Стамбуле. Пока Неплюев служил в Турции, Петр жаловал ему поместья, но воспользоваться царской милостью он смог, лишь вернувшись из Стамбула в 1734 году. Впоследствии Неплюев стал сенатором и скончался восьмидесятилетним старцем в 1774 году, в царствование Екатерины Великой.

В последний год своего правления, а точнее в 1722 году, Петр законодательно оформил исповедуемый им принцип «считать знатность по заслугам». Была принята знаменитая Табель о рангах Российской империи. Перед молодым человеком, поступавшим на службу, открывались три параллельных направления для карьеры – три служебные лестницы: воинская, «статская» и придворная. На каждой лестнице насчитывалось четырнадцать ступеней – рангов, чинов или классов, и каждому рангу на любом из этих поприщ соответствовал аналогичный ранг на двух других. Начинать службу надлежало с нижней ступени, и восхождение должно было зависеть не от знатности или богатства, а от выслуги и способностей. Таким образом, во всяком случае в теории, родословность в России не имела более значения, и путь к почестям и высоким чинам был открыт для каждого. Существовавшие прежде в России титулы не отменялись, но обладание ими не давало никаких преимуществ. Служебное рвение поощрялось и в иностранцах, и в выходцах из простонародья, так что солдаты, матросы и низшие канцелярские служащие благодаря своему усердию могли быть замечены и зачислены в определенный ранг – и значит, в дальнейшем на равных состязаться с представителями старинной русской знати. Всякий простолюдин, получивший чин низшего четырнадцатого класса в военной службе или восьмого в гражданской и придворной, причислялся к дворянству и обретал право владеть крепостными крестьянами, которое передавалось его сыновьям вместе с правом начинать службу с низшей ступени табели.

Таким образом, Петр, который всегда придавал больше значения способностям, чем происхождению, и который сам прошел все чины в армии и на флоте, ревностно исполняя свои обязанности, возвел этот принцип в закон для всех грядущих поколений. И эта его реформа выстояла. Несмотря на то что впоследствии в закон вносились изменения, а на практике продвижение по службе неизбежно зависело от кумовства и подношений, табель о рангах сохранялась в качестве основы социальной структуры Российской империи. Место в табели стало более весомым критерием оценки человека, нежели его происхождение. Офицерство и чиновничество постоянно обновлялось благодаря притоку новой крови, и сын захудалого помещика, а то и солдат из крепостных с берегов далекой Волги мог подняться по служебной лестнице, расталкивая локтями потомков славнейших русских родов³².

* * *

Задуманные Петром реформы государственного управления, воплощенные в выходивших из-под его пера указах, должны были заставить административный механизм работать как хорошо отлаженные часы. То, что на деле это было далеко не так, зависело не только от неспособности людей понять суть преобразований или от их внутреннего

³² По иронии судьбы Владимир Ильич Ленин (Ульянов) в соответствии с Табелью о рангах был потомственным российским дворянином. Дворянство он унаследовал от своего отца Ильи, сына крепостного крестьянина, сумевшего закончить Казанский университет и стать видным деятелем на ниве народного просвещения. Стараниями инспектора народных училищ в Симбирской губернии Ильи Ульянова число начальных школ за 14 лет возросло с 20 до 434. За это он получил чин действительного статского советника, который в военной службе соответствовал генерал-майору. В 1892 г. Ленин, которому в ту пору минул двадцать один год, подал прошение о допуске к экзаменам в С.Петербургском университете и собственноручно подписал его – «потомственный дворянин Владимир Ульянов».

сопротивления переменам, но и от коррупции, пронизывавшей все уровни власти. Взяточничество и казнокрадство сказывались и на состоянии государственных финансов, и на дееспособности самого правительства. В результате заимствованные за границей и без того малопонятные россиянам административные структуры работали из рук вон плохо. Взятки и растраты были обычным явлением в жизни российского служилого сословия: так уж повелось, что всякий смотрел на государеву службу как на возможность пополнить свой карман. Недаром русским чиновникам всегда платили очень мало, а то и вовсе не платили, заранее полагая, что они вполне смогут обеспечить себе безбедное существование за счет всякого рода подношений. По пальцам можно пересчитать известных деятелей петровского времени, которые слыли людьми честными и бескорыстно преданными идее служения государству. К числу их можно отнести Шереметева, Репнина, Румянцева, Макарова, Остермана и Ягужинского³³. Остальные хранили верность лично Петру, государство же почитали дойной коровой.

Правительственные чиновники руководствовались по большей части не интересами государства, а стремлением к личной наживе и желанием любым способом избежать уличения и кары. Алчность и страх – таковы главные побудительные мотивы, определявшие поступки взращенных Петром бюрократов. Возможность быстрого обогащения, безусловно, имела – примером тому может служить огромное состояние Меншикова; но при этом не исключалась и возможность угодить под пытки, на колесо и на плаху. Как ни пытался Петр воздействовать на своих подданных – уговорами, увещеваниями, лаской, угрозами, расправой – все оказывалось одинаково тщетным. Петр понимал, что для наведения порядка одной только силы недостаточно: «Кости я точу долотом изрядно, – с горечью заметил он Нартову, – а вот упрямец обточить дубинкой не могу».

Одно разочарование следовало за другим, причем это относилось не только к высшему чиновному слою. Стоило, казалось бы, честному человеку сделаться, например, судьей, то есть достичь положения, при котором ему начинали давать взятки, как он тут же оказывался нечист на руку. Как-то раз Петр прознал, что один из новоиспеченных судей стал принимать подношения. Царь не только не наказал его, но удвоил ему жалованье, дабы устранить соблазн. Однако строго предупредил виновного, что, вздумай он мздоимствовать впредь, непременно будет повешен. Судья клятвенно обещал, что не обманет доверия государя, но вскоре попался на взятке и был вздернут на виселицу.

Царь смирился с невозможностью добиться от чиновников бескорыстного и честного служения, однако намерен был сурово карать тех, кто наносил ущерб государственной казне. Указ 1713 года призывал подданных доносить лично царю обо всех случаях мздоимства и казнокрадства среди правительственных чиновников. Если факты, изложенные в доносе, подтверждались, в награду доносчику должно было отойти имущество виновного. Большинство, правда, опасалось в открытую обличать сильных мира сего, и в результате появилось множество анонимных доносов, нередко содержащих ложные обвинения и имевших целью просто-напросто сведение личных счетов. Петр выпустил новый указ; с одной стороны, он осуждал тех, кто пишет подметные письма, «тая яд под личиной добродетели», а с другой – обещал правдивым доносчикам свою защиту: «Нет в доношениях никакой опасности. Для того, кто истинный христианин и верный слуга своему государю и отечеству, тот безо всякого сумнения может явно доносить словесно и письменно о нужных и важных делах самому Государю, или, пришед ко двору Его царского величества, объявить караульному сержанту, что он имеет нужное донесение». И вот однажды в руки царя попало подметное письмо, в котором сразу несколько влиятельных сановников обвинялись в бесстыдном казнокрадстве. Автора письма удалось убедить явиться и дать показания. Разразился грандиозный скандал.

³³ Увы, документы заставляют сомневаться в честности и бескорыстности всех без исключения перечисленных деятелей. – *Примеч. ред.*

Дело в том, что в то время доставка собранной по деревням провизии для войск, расквартированных в Петербурге и других городах на завоеванных территориях, учитывая огромные расстояния, была очень непростым делом. Пытаясь решить проблему снабжения армии, на казенные поставки установили повышенную плату, что стало источником бесчисленных злоупотреблений. Многие вельможи, занимавшие видные правительственные посты, грели на этом руки, вступая в сговор с подрядчиками или занимаясь казенными подрядами сами, только под вымышленными именами. Об этих махинациях все давно знали, но никто не решался открыто выступить с обвинениями в адрес могущественных, высокопоставленных особ. Тем временем народ, вынужденный платить вдвойне, стонал от поборов. Наконец нашелся человек, который посчитал своим долгом открыть все царю, но, желая сохранить свою голову, он действовал тайком, оставляя повсюду, где бывал Петр, неподписанные подметные письма. Прочитав одно такое письмо, Петр объявил, что, если доносчик откроет свое имя и сумеет доказать выдвинутые обвинения, он возьмет его под свою защиту и щедро наградит. Тот объявился и предоставил царю неопровержимые доказательства того, что его ближайшие соратники запятнали себя казнокрадством.

В начале 1715 года было налажено следствие. Среди обвиняемых оказались князь Меншиков, генерал-адмирал Апраксин, сибирский губернатор князь Матвей Гагарин, генерал-фельдцейхмейстер Брюс, петербургский вице-губернатор Корсаков, глава петербургского Адмиралтейства Кикин, инспектор артиллерии Синявин, сенаторы Апухтин и Волконский и множество чиновников рангом пониже. В ходе следствия всплывали все новые и новые свидетельства вопиющих злоупотреблений. Представ перед комиссией, Апраксин и Брюс оправдывались тем, что редко бывали в Петербурге, а все время проводили в разъездах, inspectируя флот и армию; посему им было неведомо, что творили у них за спиной подчиненные. Меншикова, который тоже много месяцев отсутствовал – он командовал армией в Померании, – обвинили в финансовых махинациях, извлечении незаконных прибылей за счет казенных подрядов и в растрате государственных средств более чем на миллион рублей.

Меншикова люто ненавидели многие, а следственную комиссию возглавил его злейший враг – князь Яков Долгорукий; однако это сыграло на руку обвиняемому. Обрадовавшись возможности расправиться с ним, недруги выдвинули против него явно преувеличенные обвинения, что помогло Меншикову отчасти оправдаться. При тщательном рассмотрении дела выяснилось, что не одна только жадность приводила к нарушениям законного порядка. Подчас виною был административный сумбур, запущенность в делах, безалаберность, но не злой умысел. Со своих многочисленных имений Меншиков получал огромные и вполне законные доходы. При этом он нередко пускал личные средства на оплату государственных нужд. Хотя с неменьшим постоянством тратил казенные деньги для собственных надобностей. Деньги без конца перетекали из одного кармана в другой, причем безо всякого учета. В должности губернатора Санкт-Петербурга Меншиков состоял более десяти лет, с момента основания города. За все это время он не получал за свое губернаторство никакого жалованья и неоднократно тратил собственные деньги на нужды столицы. В построенном им огромном дворце он постоянно устраивал дипломатические приемы и многолюдные пиршества, что обходилось в немалые суммы. Расходы эти ему зачастую никак не возмещались, а Петр между тем настаивал, чтобы Меншиков и впредь играл роль гостеприимного хозяина губернаторской резиденции. Случалось Меншикову оплачивать из своего кармана и государственные потребности в разных чрезвычайных ситуациях. В июле 1714 года адмирал Апраксин прислал из Финляндии депешу, в которой сообщал, что войска голодают. Петра в столице не было, и Меншиков потребовал от Сената решительных действий, однако сенаторы не пожелали брать ответственность на себя. Тогда Меншиков вытребовал припасов на 200 000 рублей, оплатил их из собственных средств, погрузил на суда и отправил к Апраксину.

Однако Меншиков был уличен и в таких нарушениях, каким не нашлось оправдания. Его обязали возместить казне 144 788 рублей по одному начету и 202 283 рубля по другому.

Впрочем, князь выплатил только часть долга, остальное же, по прошению на имя Петра, было ему прощено.

Апраксин и Брюс, в уважение к их многочисленным заслугам перед отечеством, тоже отделались всего лишь крупными штрафами. Что же до остальных, замешанных в этом деле, то они поплатились жестоко. Двоим сенаторам, Волконскому и Апухтину, поставили в вину не только допущенные ими злоупотребления, но и посрамление правительствующего Сената. Оба были публично биты кнутом, а за нарушение присяги языки им урезали каленым железом. Был бит кнутом и петербургский вице-губернатор Корсаков. Еще троим виновным после наказания кнутом вырвали ноздри, а их самих отправили на галеры. Восьмерых, чья вина была полегче, связали и, повалив на землю, стали бить батогами. Когда Петр решил, что с них хватит, и приказал солдатам остановиться, служивые стали просить государя позволить им всыпать еще воров, кравшим солдатский хлеб. Немало народу было сослано в Сибирь. Кикин, бывший прежде у Петра в особом фаворе, был приговорен к ссылке и конфискации имущества, но за него вступилась Екатерина, и ему удалось сохранить и достоинство, и должность. Однако пять лет спустя Кикин вновь оказался под судом, по делу царевича Алексея, и на сей раз лишился головы.

* * *

Тайное и явное доносительство не было действенным средством борьбы со злоупотреблениями, ибо объектами разоблачений часто становились случайные люди. В марте 1711 года Петр сделал доносительство официальной государственной службой – он учредил должности доносчиков, получивших название фискалов. Во главе фискального ведомства был поставлен обер-фискал, чьей обязанностью было выведывать случаи злоупотреблений и доносить на виновных Сенату, невзирая на чины и звания. Доносительство, возведенное в систему и получившее официальный статус, было для России новым явлением. Прежние российские законы тоже предусматривали арест и суд на основании извета, однако то была палка о двух концах. Донositелю приходилось лично доказывать правоту своих обвинений, а буде они окажутся ложными, он и сам мог угодить на место обвиняемого и подвергнуться суровой каре. Теперь же донос сделался ремеслом, а доносчики – служителями закона, не опасавшимися ответственности за свои действия. Естественно, что при таких условиях доносы потекли рекой, а фискалы, которых насчитывалось пять сотен, стали самыми ненавистными людьми во всей России. Даже Сенат, которому они номинально подчинялись, побаивался этих усердных шпионов. В апреле 1712 года старшие фискалы жаловались Петру на то, что сенаторы умышленно оставляют без внимания подаваемые ими доклады. В жалобе говорилось, что к иным сенаторам фискалы и подойти боятся, а Яков Долгорукий и Григорий Племянников открыто поносят фискалов, именуя их «плутами и антихристами». В 1712 году митрополит Стефан Яворский произнес обличительную проповедь против фискалов, утверждая, что они поставлены выше закона, тогда как прочие отданы им на милость. Петр, однако же, на это не реагировал, и фискалы продолжали свою вызывавшую всеобщее возмущение деятельность.

Наиболее рьяным из них был Алексей Нестеров, ставший со временем обер-фискалом. Он работал с неустанным рвением, кропотливо вникая во все подробности, а добыв улики, преследовал виновных с фанатичным упорством. Этот неутомимый шпион отдал под суд даже собственного сына. Но самой крупной жертвой Нестерова стал князь Матвей Гагарин, с 1708 года служивший губернатором Сибири. Ввиду большой удаленности вверенной ему губернии от столицы, Гагарин правил за Уралом подобно удельному князю. В число его обязанностей входил контроль за торговлей с Китаем, которая велась через Нерчинск и в то время уже была объявлена государственной монополией. Через сеть своих соглядатаев Нестеров выяснил, что Гагарин незаконно разрешал купцам напрямую торговать с Китаем, мало того – вел торговлю сам, чем причинил казне немалый урон. Торговые махинации позволили князю сколотить немалое состояние. Он жил на широкую ногу, за его столом

каждый день пировали десятки гостей, а в спальне над кроватью висел усыпанный бриллиантами образ Пресвятой Богородицы стоимостью 130 000 рублей. Было бы неверно, однако, рисовать деятельность Гагарина в одном лишь черном цвете. Он внес немалый вклад в освоение Сибири, способствовал развитию в этом крае промышленности и торговли, разведке новых месторождений полезных ископаемых. Вдобавок он пользовался любовью в народе за мягкий нрав и снисходительность. Когда князя арестовали, 7000 пленных шведов, находившихся в Сибири, подали Петру прошение о его помиловании.

Впервые Нестеров донес царю о том, что Гагарин нечист на руку, еще в 1714 году, но тогда Петр оставил извет без внимания. Однако в 1717 году последовал новый донос, подкрепленный более весомыми доказательствами, и царь распорядился, чтобы это дело расследовала комиссия, составленная из гвардейских офицеров. Гагарин был арестован, полностью уличен и, повинившись во всех проступках, молил царя о дозволении закончить свои дни, удалившись на покаяние в монастырь. Все были убеждены в том, что Петр простит губернатора в знак признания его былых заслуг. Но царь, который приходил в бешенство оттого, что его грозные указы против казнокрадов пропадают втуне, решил: пусть участь Гагарина послужит примером всем чиновным лихоимцам. Князь был приговорен к смерти и публично повешен в Петербурге в сентябре 1718 года. Власть и влияние Нестерова неуклонно возрастали в течение почти десяти лет. Однако в конце концов обер-фискал и сам был уличен во мздоимстве. Хотя принимавшиеся подношения были невелики, ненависть к нему достигла такой силы, а врагов оказалось так много, что им удалось сокрушить главного царского шпиона. Нестеров предстал перед судом, был признан виновным и приговорен к колесованию. Казнь состоялась на Васильевском острове, напротив недавно построенного Трезини здания Двенадцати коллегий. К тому времени Нестеров был уже седовласым старцем. Случилось так, что во время экзекуций находившийся в коллегии Петр выглянул в окно и увидел бывшего обер-фискала, еще живого на колесе. Сжалившись над ним, царь повелел не мучить более старика и немедленно отрубить ему голову.

Главным же казнокрадом, против которого не осмелился выступить и Нестеров, был князь Меншиков. Вновь и вновь обнаруживалось его лихоимство. Вновь и вновь Алексашка получал прощение: казалось, долготерпению Петра нет предела. Меншиков понимал, что царь нуждается в нем: пребывавшему в одиночестве на вершине власти Петру был необходим друг. Меншиков был самым близким доверенным Петра, толкователем его замыслов, исполнителем его решений, любимым собутыльником и лихим кавалерийским командиром, наконец, воспитателем царевича, – короче, он был правой рукой царя. На людях Меншиков всегда проявлял по отношению к государю подчеркнутую почтительность, а в келейной обстановке умел держаться с царем запросто, не переступая опасной черты. Конечно, и ему случалось порой попадать впросак и отведать царского кулака или дубинки. Он переносил царский гнев с неизменным благодушием, никогда не обижался, и оттого привязанность государя к нему только крепла. Но за спиной Петра Меншиков являл себя другим человеком. Он был деспотичен с низшими и нетерпим к соперникам. Честолюбие его было безгранично, держался он нагло и вызывающе и не давал пощады никому, кто становился у него на пути. И потому Меншикова в равной степени ненавидели и боялись все вокруг.

С каждым годом царствования Петра влияние фаворита возрастало и крепло, и после Полтавы власть его стала поистине безгранична. Меншиков был генерал-губернатором Санкт-Петербурга, первым сенатором, андреевским кавалером, князем Священной Римской империи и обладателем иных титулов и наград, дарованных ему королями Польши, Пруссии и Дании. Молва гласила, что он мог бы проехать всю империю от Риги на Балтике до Дербента на Каспии, останавливаясь на ночь только в собственных имениях. В своем дворце на Неве он был окружен многочисленным двором. Обеды из двух сотен блюд готовили выписанные из Парижа повара, а столовые приборы были из чистого золота. По улицам князь разъезжал в великолепной карете с гербом на дверце и золоченой княжеской короной на крыше. Карета была запряжена в шестерку лошадей, покрытых алыми, расшитыми

золотом попонами. На выезде князя сопровождали ливрейные слуги и музыканты, а эскорт из драгун расчищал ему дорогу, разгоняя толпу. Из привязанности и благодарности Петр одаривал Меншикова несметными богатствами, но тому все было мало. Как и многие, возвысившиеся из низов, он любил роскошь, любил демонстрировать свое богатство, символ могущества. И когда ему не хватало взяток и подношений, царский любимец крал без зазрения совести. Время от времени Петр накладывал на него огромные штрафы, но Меншиков все равно ухитрялся оставаться богатым и после краткой немилости возвращался в фавор. Иностранным послам, всякий раз ожидавшим, что очередное скандальное разоблачение станет последним и окончательное падение Меншикова неизбежно, он казался подобным фениксу, вновь и вновь возрождающемуся из пепла.

Нередко Петр смотрел на проделки Меншикова сквозь пальцы. Как-то раз Сенат раздобыл доказательства махинаций князя с поставками амуниции. Сенаторы потребовали от Меншикова объяснений, но тот высокомерно отмахнулся от них и не только отказался давать письменные показания, но даже не соизволил явиться в Сенат, а послал унтер-офицера – на словах передать его ответ. Взбешенные сенаторы составили список основных повинностей Меншикова и положили на стол перед царским креслом. Прибыв в Сенат, Петр взял в руки бумагу, пробежал ее глазами и, не вымолвив ни слова, положил на место. Повременив, Толстой осмелился спросить государя, каковы будут его приказания. «Никаких, – отвечал царь, – Меншиков всегда останется Меншиковым».

Однако долготерпение Петра все же имело пределы. Однажды царь в гневе отобрал у Меншикова его богатейшие владения на Украине (которые, впрочем, впоследствии были ему возвращены) и наложил на него штраф в 200 000 рублей. Тогда Меншиков приказал вывезти из своего дворца на Неве роскошную мебель и снять пышные портьеры и гобелены. Несколько дней спустя Петр заехал во дворец и с удивлением увидел голые стены. Он потребовал объяснений и услышал в ответ, что Меншикову пришлось продать всю обстановку, чтобы расплатиться с казной. Петр поглядел на князя в упор, а потом во весь голос рявкнул, чтобы тот не вздумал с ним шутки шутить: если в течение суток Меншиков не обставит дворец так, как приличествует персоне светлейшего князя и губернатора Санкт-Петербурга, штраф будет удвоен. Когда на другой день Петр явился с проверкой, дворец сиял убранством еще более великолепным, чем прежде.

Впервые Петр по-настоящему вознегодовал на Меншикова, когда тот был уличен в вымогательстве во время пребывания в Польше (князь простодушно оправдывался тем, что обирал только поляков). Тут Петр строго пригрозил ему: «Говорю тебе в последний раз. Перемени поведение, если не хочешь большой беды. Ты мне ответишь головой при малейшей жалобе на тебя». Петр страдал, Меншиков на время умеривал свои аппетиты, а потом опять брался за старое. В 1715 году его снова обвинили в злоупотреблениях, и он отделался штрафом, но после этого Петр все же несколько охладел к старому товарищу. Он по-прежнему бывал у него в гостях, писал дружеские письма, но бывшего безграничного доверия больше не было. Меншиков моментально почуял это и постарался приспособиться к новым обстоятельствам: в своих письмах царю он оставил фамильярный тон, какой прежде позволял себе, и стал изъясняться более сдержанно, как и подобало верноподданному. Всякий раз, когда на чело самодержца набегала грозная тень, Меншиков униженно каялся и просил оказать ему милость в память о старой дружбе и прежних заслугах. Выйти сухим из воды ему не раз помогало и то, что он имел могущественную покровительницу в лице Екатерины, всегда готовой порадовать давнему знакомцу. Петр, как правило, склонялся к просьбам жены, но однажды предупредил ее на будущее: «Меншиков в беззаконии зачат, во гресях родила мать его, и в плутовстве скончает живот свой, и если он не исправится, то быть ему без головы».

После скандала 1715 года спокойная жизнь для князя продолжалась недолго. В начале января 1719 года против него вновь были выдвинуты обвинения, и он предстал перед военным судом вместе с генерал-адмиралом Апраксиным и сенатором Яковым Долгоруким. На сей раз ему вменили в вину дурное управление Ингерманландией и присвоение 21 000

рублей казенных денег, предназначавшихся для закупки кавалерийских лошадей. Меншиков признал, что взял эти деньги, но казна, по его словам, задолжала ему 29 000 и ни за что не хочет отдавать, и потому, когда деньги оказались в его распоряжении, он решил, что имеет право оставить их себе в частичное возмещение долга. Суд принял это оправдание, однако признал Меншикова виновным в нарушении законов военного времени. И его, и адмирала Апраксина приговорили к лишению всех чинов и наград. Им повелели отдать шпаги и оставаться под домашним арестом до утверждения приговора царем. Осужденные отправились по домам дожидаться последнего удара. Петр утвердил было приговор, но на следующий день передумал и, ко всеобщему удивлению, помиловал обоих – в память об их прежних заслугах. И Меншиков, и Апраксин сохранили свои чины и отделались уплатой крупных штрафов. Петр не мог позволить себе остаться без ближайших сподвижников.

Побывав в таких передрыгах, Меншиков, по-видимому, несколько присмирел. Вскоре после описываемых событий прусский посол сообщал своему монарху: «Славного князя Меншикова хорошенько общипали. Царь спросил князя, сколько крестьян у него в Ингрии, и тот ответил – семь тысяч. Но его величество, гораздо лучше знавший истинное положение дел, сказал, что эти семь тысяч князь может оставить себе, но от всех остальных ему придется отказаться. Иными словами, его обязали поступиться восьмью тысячами крестьян, бывших у него сверх указанного числа. Меншиков от огорчения и ожидания грядущих неприятностей даже заболел и отошал, точно пес, однако он вновь прощен и спас свою шкуру, куда сатана опять не введет его во искушение».

Но Меншиков, как и предрекал Петр, остался Меншиковым и продолжал надувать своего повелителя. В 1723 году он еще раз был уличен и снова предстал перед следственной комиссией. В свое время Меншикову были пожалованы имения близ Батурина, конфискованные у Мазепы. Меншикова обвинили в том, что он укрывал на своих землях 30 000 человек – беглых крепостных и уклонявшихся от рекрутских наборов. Меншиков снова положился на заступничество расположенной к нему царицы и подал петицию на ее имя. Он возлагал всю вину на Мазепу и уверял, что беглые поселились на этих землях до того, как он вступил во владение. Меншикову вновь удалось получить прощение, однако обвинения в злоупотреблениях выдвигались против него до самой смерти Петра, и лишь по воцелении на престол Екатерины они прекратились и князь смог вздохнуть с облегчением.

Петра, отличавшегося простотой и скромностью вкусов и привычек, повергла в негодование бесстыдная алчность его вельмож, не упускавших ни малейшей возможности запустить руку в государственную казну. Куда бы ни кинул он взгляд, всюду видел лихоимство, вымогательство и казнокрадство – казенные деньги буквально сыпались из чиновных рукавов. Однажды, выслушав очередной сенатский доклад о непрекращающихся злоупотреблениях, Петр разгневался и сказал Ягужинскому: «Напиши именной указ, что если кто и на столько украдет, что можно купить веревку, то будет повешен». Записавший указ Ягужинский оторвал перо от бумаги и спросил: «Разве ваше величество хотите остаться императором один, без подданных? Мы все ворует, только один больше и приметнее, чем другой». Царь рассмеялся, печально покачал головой, и в этот раз на том дело и кончилось.

Однако Петр не оставлял попыток изжить злоупотребления. Время от времени, как это было, например, в случае с Гагариным, он сурово карал проштрафившихся по-крупному, надеясь, что их пример послужит предостережением казнокрадам помельче. Однажды, когда Нестеров спросил его: «Обрубать ли только сучья или положить топор на самые корни?», Петр ответил: «Руби все дотла». Однако царь поставил перед собой безнадежную задачу: никого нельзя принудить к честности. И прав был восхищавшийся Петром его современник Иван Посошков, когда писал: «Трудится великий монарх, да ничего не успевает, пособников у него мало – он в гору сам десять тянет, а под гору миллионы тянут, как же дело споро будет?»